

УДК 821.161.1

В. Ю. Прокофьева

Оренбургская писательница О. П. Крюкова: очерк творчества

Творчество уроженки Оренбургской губернии О. П. Крюковой проанализировано в следующих направлениях: лирика, проза, подражания А. С. Пушкину, вклад в формирование оренбургского текста русской литературы. Начав как поэтесса романтического склада, писательница перешла к крупным поэтическим формам (поэма, сказка) и реалистической прозе в духе русской натуральной школы, оставив описания жизни восточной окраины России и старого Оренбурга.

Ключевые слова: О. П. Крюкова, поэзия, А. С. Пушкин, романтизм, подражание, поэма, сказка, проза, реализм, натуральная школа, физиологический очерк, оренбургский текст русской литературы.

Биография и произведения. О жизни Ольги Петровны Крюковой сведений очень мало, портрета или фотографии не обнаружено. Известно, что она родилась в крепости Илецкая Защита (ныне Соль-Илецк) в дворянской семье и умерла в 1885 году в Оренбургской губернии. По поводу года рождения нет единого мнения. Биографический словарь «Русские писатели 1800—1917» указывает две даты рождения: «1817, по др. сведениям — 1815» год [17, с. 189]. П. И. Шаликов, представляя Крюкову читателям в 1833 году, говорит, что ей 18 лет [3, с. 173], т.е. дата рождения в этом случае — 1815 год. Сама же Ольга в своем стихотворении 1833 года «Тоска о минувшем» пишет: «Но в двадцать лет я сердцем леденею...» [14, с. 108], т.е. годом рождения может быть и 1813.

Детство будущей писательницы прошло в Оренбурге. Затем воспитанием осиротевшей Ольги занималась ее родственница — небогатая симбирская помещица.

В 1830-е годы произведения Крюковой появляются в «Дамском журнале» П. И. Шаликова, восторгался талантом юной поэтессы, называвшего ее «Пушкиным своего пола». На страницах этого журнала были опубликованы повесть в стихах «Донец», отрывки из стихотворной повести «Илецкий казак», стихи «Две подруги» (1833, № 6), «Жертва любви» (1833, № 9), «Тоска о минувшем» (1833, № 20), «К А. П. Д-й» (1833, № 31), «Сетование» (1833, № 32). «Илецкий казак» и «Донец» основаны на оренбургских впечатлениях Крюковой, содержат богатейший материал о быте, нравах, занятиях оренбургских казаков, о защите казаками оренбургских земель от набегов киргиз-кайсаков. В 1833 году «Донец» вышел в Москве отдельным изданием.

После длительного перерыва Крюкова снова печатает свои произведения в 1850-е годы в журнале «Развлечение», в основном очерковые зарисовки, притчи, деревенские предания, рассказы за столом: «Ямщик. Народная сцена» (1860, № 19, 20, 21), «Притча о нужде и лихоимстве. Со слов старушки О. П. Крюковой» (1860, № 34), «Порча. Рассказ медика» (1860, № 48), «Мститель (из деревенских преданий)» (1860, № 50), «Служба» (1863, № 32). В некоторых из этих очерков («Барышни Стрельниковы», «Капитан-исправник»), написанных по воспоминаниям детства, довольно много ярких описаний старого Оренбурга. Ряд этих очерков о «старинных» русских людях вошел в отдельную книгу, изданную в 1859 году в Москве под названием «Старина».

В 1876 году в Санкт-Петербурге выходит сказка О. Крюковой «Данило Бессчастный» — последнее и лучшее из написанного ею.

В творчестве О. Крюковой можно выделить как отдельные части лирику и прозу, а также ее поэтические подражания А. С. Пушкину и вклад в представление оренбургского текста русской литературы.

© Прокофьева В. Ю., 2014

Поэтическое творчество. Поэзия О. Крюковой определена эстетическими традициями романтизма, на которых она выросла, а также юным возрастом поэтессы. Её стихи отражают становление чувств молодой девушки: тоску по детским («понятым») годам, грусть, страх перед будущим, дружеские отношения, любовь, отсюда и лирический герой ее стихов — романтическая девушка, тоскующая о любви. В основном поэтессу волнует неразделенная любовь или обман и предательство любимого. В стихотворении «Жертва любви» [8] буря чувств сопровождается бурей природной:

На холмах мрачной пеленой
Тень полуночная лежала.
Всё крылося под черной мглой,
И грозно буря бушевала.

На фоне этой грозы, «склонясь главой на камень мшистый», «дева юная сидит»:

Она бледна, её красы
Туман печали омрачает,
И длинные её волосы
Угрюмый ветер развеивает.

Сквозь шум грозы до нас доносятся призывы девушки обрушить на неё грозу и вихри, чтобы заглушить бушующее в душе отчаянье. Далее звучит исповедь о коварном соблазнителе, который ее погубил, и жажда смерти в связи с позором и погубленными мечтами. К утру буря утихает, мы видим недвижимую деву на берегу. Гиперболизированное описание и природной стихии, и несчастной девушки, выкрикивающей призывы и обвинения, использование эмотивных слов и высказываний, риторические конструкции, использование графических выделений (местоимение *он* и его словоформы выделены автором курсивом) — вот что представляет собой язык стихотворения. Издатель, при всем его расположении к автору, так комментирует рифму *разорву* — *перерву*: «Нельзя не повторить, что строгость нашего языка никак не позволяет рифм с различием одних только предлогов (имеются в виду приставки. — В. П.), надобны слова различного происхождения. Издатель» [8, с. 140].

Самое большое ее стихотворение «Две подруги» [6] построено как диалог двух девушек. Первая оптимистично обращает внимание второй на красоты природы, вторая же тоскует и страдает. Первая начинает расспрашивать, в чем причина ее состояния, вторая сначала не хочет признаваться:

К чему признанья?
Оставь меня с моей тоской!
Страдаю ль я: мое страданье
Мне предначертано судьбой!
Не узнавай! Пускай со мною
Умрет вина моей тоски;
Пусть не расстанется с душою
До холодной гробовой доски!

Первая продолжает настаивать, вспоминая о том, какой жизнерадостной подруга была раньше, но потом вдруг «погасли очи» и «поблекли ланиты». Желание первой подруги знать, «что так безжалостно страдать младое сердце осудило», вызывает у второй длинный монолог, из которого мы узнаем, что «любовь — вина моих страданий, любовь — причина слез моих», что глубокое чувство у девушки столкнулось с мимолетным увлечением со стороны объекта ее любви:

Но что ж? Исчез мой сон коварный,
Блаженства призраки отлетел.

Он изменил... неблагодарный,
Он к бедной деве охладел!
.....
С тех пор, тоскуя о минувшем,
Как бедный призрак я брожу,
И в чувстве, сердце обманувшем,
Отраду жизни нахожу!

В стихотворении также много патетики и риторических фигур, романтических параллелей в описании чувств и природных явлений. Интересно, что в тексте стихотворения присутствуют две сноски, сделанные издателем журнала П. И. Шаликовым, что свидетельствует о его пристальном внимании к творчеству О. Крюковой. Первая сноска — возле заглавия стихотворения: «Смело от имени всех читательниц “Дамского журнала” приношу благодарность любезной сочинительнице за прекрасных подруг ея. Издатель». Вторая сделана после слова «обманувшем» в приведенном нами последнем фрагменте: «Только женщина может найти подобный оттенок истинно патетического выражения. Издатель» [6, с. 88].

Общие настроения поэтического творчества О. Крюковой, как отмечают исследователи, — «грусть, безысходность, одиночество, что, без сомнения, полностью соответствовало моральному состоянию молодой девушки, лишенной детства среди родных, выросшей в чужом доме» [18, с. 142], а также сформированной в русской литературе эстетике романтизма с его центральной категорией возвышенного, требующего негативного наслаждения и вызывающего не радость, но изумление и тягу к его осмыслению.

Подражание Пушкину: «Донец», «Данило Бессчастный». Ольга Крюкова, которую исследователи включили в число писательниц пушкинской поры (см., напр. [18]), действительно старалась равняться на творчество А. С. Пушкина. Одно из ее удачных произведений — повесть в стихах «Донец» — написано под явным влиянием поэмы А. Пушкина «Кавказский пленник», что было отмечено издателем «Дамского журнала» П. И. Шаликовым, когда он на страницах своего издания представлял первую книгу О. Крюковой «Донец»: «Можно решительно сказать, что у нас ни одна еще дама не владела так хорошо языком грамматическим и стихотворным, как сочинительница сей повести, 18-летняя девица, живущая далеко от столиц наших, не выезжавшая никогда из провинции, в которой родилась. <...> Она — ПУШКИН (выделено Шаликовым. — В. П.) своего пола. <...> И такого же мнения, верно, будет каждый, прочитавший «Донца», который не опустил бы, кажется, пики своей в ратоборстве с «Кавказским пленником» [4, с. 174].

Созданная через 12 лет после пушкинской, поэма Крюковой с точки зрения жанровой природы есть подражание, подражание вполне достойное и оригинальное, но, безусловно, не соперничающее в полном смысле слова с произведением Пушкина.

«Кавказский пленник», первая из цикла южных поэм Пушкина, в свою очередь явилась подражанием восточным поэмам Байрона. Основу сюжета «Кавказского пленника» составляет история пленения русского офицера горцами и страстной любви черкешенки к русскому пленнику, которая заканчивается для нее трагически: рискуя жизнью, она освобождает его из плена, а сама бросается с обрыва. На смерть девушка пошла сознательно, понимая, что русский пленник никогда ее не полюбит. Эта грустная история представлена на фоне величественной красоты кавказских гор и экзотической для русских читателей жизни горцев.

Сюжет «Донца» строится по аналогии с сюжетом «Кавказского пленника»: Анята, Донец, Урядник составляют любовный треугольник, подобный пушкинскому — «черкешенка — пленный русский — его возлюбленная». В повести «Донец» [7] события пере-

носят нас к илекским берегам, где мы знакомимся с жизнью казаков, с укладом жизни станицы. «Утихла степь, уснули воды», и вышли «младые казаки» для пляски, песен. Лишь грустит молодая красавица Анюта, ждет полюбившегося ей казака Донца. Пришедшие из похода соратники Донца сообщают о его пленении. С этого момента Анюта уже не живет, а существует:

Но никогда ее ланиты
Не зарумянятся весной.
Как холодом цветков убитый,
Не оживет она душой.

Будучи современницей А. Пушкина, Ольга Крюкова не избежала влияния творчества великого поэта. Она в своем произведении пошла тем же путем, использовав образы романтических героев, их неземное чувство любви. Анюта не может полюбить молодого Урядника, признавшегося ей в своих чувствах. В произведении А. Пушкина «Кавказский пленник» мы встречаемся с той же ситуацией: любовь молодой черкешенки не смогла вызвать ответного чувства у русского пленника, чье сердце отдано другой. В обоих произведениях ради любви герои добровольно идут на смерть, так как жизнь без любви теряет для них смысл. Трагически обрывается жизнь Урядника в поэме «Донец» и черкешенки в поэме «Кавказский пленник». Так романтический герой доказывает свою любовь. В обоих произведениях сама природа не просто фон, но еще и персонаж произведения: величественная природа Кавказа, вертикалью устремленная вверх, — у Пушкина и равнинная степь Оренбуржья, разлившаяся бесконечной горизонталью, — у Крюковой. Сюжетное время соответствует в обоих произведениях реальному историческому: вечная война на Кавказе и бесконечные столкновения казаков с азиатскими народами в степях Оренбуржья.

Подражая Пушкину, О. Крюкова делает это в «женской» манере: описание любви Анюты изобилует деталями, чувство ее все более и более обрастает трагизмом:

Чтоб с милым нас одна могила
В свой хладный приняла приют.

Героиня легко рассталась бы с жизнью, но, сирота, она не может оставить выросшего ее деда, которому она должна быть «утешением до гроба». Анюта не абстрактно благородна, она связана обязательством перед человеком, воспитавшим ее. Еще одно отличие от пушкинской поэмы — знакомство читателя с любимым человеком Анюты. В «Кавказском пленнике» о возлюбленной русского пленника только упоминается, Крюкова же представляет треугольник полностью. Своеобразно еще и то, что в поэме «Донец» Урядник идет на страдания, готов взамен Донца отдаться в плен лишь с одной целью, чтобы вернуть любимого для Анюты:

Я исцелю Анюты раны,
Их брачный утвержу союз.

Он готов принести себя в жертву, «чтоб милой счастье подарить». Ему «тяжко владеть» свою жизнь без любви, и в подтверждение своих глубоких чувств он «решился вмиг на бой отважный» и погиб:

Он угасал... Но все душою
Владела страстная любовь.

В мыслях у него было одно:

Когда слезою сожаленья
почтит она мою любовь.

Итак, при том, что в целом «Донец» — явное подражание «Кавказскому пленнику», первая поэма все же отличается от второй деталями, самое главное тем, что действие в

ней происходит в оренбургских краях, на родине писательницы, которая открывает для читателя новый экзотический участок России — Оренбуржье, дает представление о жизни восточной окраины России, о быте казаков, их воинской доблести, защите ими пограничных земель от нападений киргиз-кайсаков.

Сказка «Данило Бесщастный» [5] — самое лучшее произведение О. Крюковой. Персонаж русских народных сказок Данило Бесщастный и история, с ним связанная, зафиксирован и изучен исследователями и собирателями русского фольклора.

«Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» так представляет этого персонажа: «Данило Бесщастный, иначе Данило Горегорянин или Дворянин — бесщастный молодец является героем нескольких русских побывальщин и сказок. В некоторых из сказок о Данило сохранились следы былинного склада» [19]. Историк А. Абрашкин, разбирая сказку о Даниле, говорит о глубинной связи ее сюжета с русской историей, о том, что в ней сказитель «аллегорически поведал о конфликте христиан и иудеев» [1]. В третьем томе «Народных русских сказок А. Н. Афанасьева» эта сказка дана под номером 313 [16], также эту сказку можно прочесть в различных сборниках русских народных сказок, представленных в Интернете.

О. Крюкова меняет сюжет сказки, оставляя главных героев: Данило, царь и его дочь, ставшая женой Данилы. История подается как рассказ бабушки детям, разбитый на несколько частей (вечеров, когда сказка рассказывается на ночь). Действие начинается в Греческой земле, которой правит «разумный царь», любящий свою дочь:

В древней Греческой земле,
Лет за тысячу иль боле,
По премудрой Божьей воле
Государь разумный жил.
Он искусно царством правил —
Весь народ его любил,
Весь народ согласно славил
Правосудного царя.

Главный герой — Данило, умный, образованный, но неуспешный:

Все вместил в себе познания,
Сведущ был во всех делах
И гражданских, и военных;
Все законы затвердил;
На языках иноземных
И писал, и говорил.
Но без счастья — все пустое!
Счастье глупого рядит
Часто в платье золотое,
А от разумного бежит.

Так случилось и с Данилой.

После смерти отца Данило идет в солдаты, видит несправедливость в военных отношениях, говорит правду воеводе в глаза, после чего уходит из солдат в писари. На новой службе также встречается с несправедливостью, подкупом, корыстью, страдает от увиденного, уходит в купцы. На новом поприще — опять несчастья: он обанкротился, и народ прозвал его Бесщастным. Пошел он к царю искать справедливости. Царь не верит в то, что способный молодой человек не может сам встать на ноги, раздражается жалобами Данилы, прогоняет его:

Гневно царь ему сказал:
 — О глупец! Откуда взял
 Сказку мне сплести такую?..
 Как! Давно ль в земле моей
 Для порядочных людей
 Нет ни части, нет ни доли?..
 И царем я для того ли,
 Чтобы всех поить, кормить,
 Всем советами служить
 Тунеядцам, негодьям?..
 Дельно вам таким лентяям —
 В вас ни проку, ни добра!
 А на сказки мастера —
 Слабость царскую узнали.
 Ты таких не из числа ли?..
 И мечтает эта тварь,
 Что обязан государь
 Слушать вздор их откровенный.
 Вон отсюда, дерзновенный, —
 Так, озлобясь, царь кричал.
 И пылали гневом очи.
 И бледнее лунной ночи
 Юноша пред ним стоял,
 Будто памяти лишенный.

Царевна подслушала разговор отца и Данилы, влюбилась в юношу, стала потом убеждать отца помочь юноше, сказав, что влюблена в него. Отец в гневе прогоняет ее из дома. Она раздаёт украшения подругам, бежит к юноше, говорит, что она его невеста. Происходит венчание, после которого царевна предлагает оставить хижину Данилы и бежать вдвоем в далекий край. Царь же пришел в себя, понял, что погорячился, и стал искать дочь.

Молодые живут счастливо. Жена вышивает ковер, просит Данилу продать его на базаре за 100 монет, он продает его и встречает старика, который просит купить у него за 100 монет слова:

Что, однако ж за товар? —
 — Вещь, по чести, дорогая! —
 А цена? — Да небольшая:
 Я возьму с тебя, мой свет,
 Сотню золотых монет. —
 — Дорогой товар, как видно! —
 Преотменный, презавидный!
 Вот он, только в трех словах:
Не убойся, видя страх!

Боясь, что его тайну раскроют, Данило бросает деньги старику и убегает домой. Царевна, выслушав его, просит пойти в гостиный двор и купить еще ковер для нее, чтобы она его вышила. Он всё сделал и, когда продал второй ковер за 200 монет, снова встретил старика:

— Ба! откуда Бог несет?
 Раздался ему навстречу

Резкий голос старика. —
 Знаю — за тебя отвечу,
 Что идешь издалека.
 Чай носил ковер? ... Ну, знаю,
 И с продажей поздравляю.
 У меня же, про запас
 Тоже есть товар для вас.
 И не дорого — по чести!
 Я монет всего за двести
 Рад для друга уступить.
 А товар какой богатый!
 Вот он: *Сталь дороже злата!*
 Право, стоит заплатить.

Вырываясь от него, Данило оставил в руках старика кафтан с вырубкой. Выслушав историю, царевна просит купить материала для третьего ковра, расшивает его и говорит Даниле продать его за 300 монет. История повторяется в третий раз:

— Что, приятель, есть казна?..
 А у нас товар готовый —
 Самый свежий, самый новый,
 И превосходная цена.
 Три словца предорогие.
 Хочешь, что ли, я продам?
 Слушай, вот они какие:
Воли не давай рукам.

Данило убегает от него и не решается возвращаться к царевне. Бежит на пристань, встречается с торговцами и уплывает с ними:

Месяц, месяц бледнолицый!
 Что ты смотришь на меня?..
 Посвети в ее светлице,
 Вместо радостного дня;
 И скажи ей, месяц ясный,
 Что Данило по волнам
 Одинок плывет, Бесщастный.

В качестве испытания плывущим на корабле послана буря, они не думают, что спасутся. Тут Данило вспоминает первые слова старика и, поборов страх, бросается в пучину, где встречается с морским царем и царицей, которые ведут спор о том, что больше ценится в мире людей: золото или сталь. Данило решает их спор, вспомнив вторую фразу старика и убедив морских правителей в ценности и того, и другого, но сказав, что сталь всё же дороже злата, ибо из нее делают вещи, приносящие пользу (плуг, например). За это царь, успокоив море, возвращает Данилу на корабль и дает в придачу некий мешок.

Корабль пристаёт к земле Славянской, все идут к князю, ее правителю, с дарами, Данило тоже просится отнести тот мешок от морского царя, все над ним смеются, но берут с собой. У князя Данило открывает свой мешок, и находящиеся там драгоценности затмевают прочие дары. Князь дарит Даниле особенный меч и оставляет при себе, тот служит ему много лет, пока судьба не приводит его корабль к когда-то родным берегам. Данило бежит к месту своего дома, находит там дворец, видит в окно свою печальную жену, возле которой — молодой красивый юноша. В порыве ревности он хочет ворваться в дом с обнаженным мечом, но вспоминает третью фразу старика (воли не давай рукам)

и прислушивается к разговору, из которого узнает, что юноша — его сын, а жена до сих пор любит его и ждет. Данило вбегает в дом и обнимает семью. В финале все идут к царю и предстают перед ним. Данило и вся его семья счастливы.

Как видим, сюжет отличается от народной версии. Эта сказка — еще одно подражание Пушкину, его «Сказке о царе Салтане», о чем говорит и стихотворная форма в целом, и размер, которым написано произведение, — четырехстопный хорей, как у Пушкина, только рифма перекрестная: «Написана сказка попарно рифмованным четырехстопным хореем. Этим размером в те времена обычно писались «подражания» народной поэзии» [2, с. 526]. Сюжетная линия оставленной семьи и сына, выросшего без отца, даже обращение главного героя к месяцу отсылают к пушкинской сказке (последнее, правда, к другой — «О мертвой царевне и семи богатырях»).

Таким образом, сказка О. Крюковой, являясь лучшим произведением ее творчества, представляет собой подражание пушкинским сказкам. Как видим, подражание Пушкину удавалось провинциальной писательнице лучше всего.

Прозаическое творчество. После успеха на поэтическом поприще и публикаций в столичных изданиях и издательствах О. Крюкова замолкает на четверть века. Только в конце 1850-х годов ее имя появляется на страницах московского еженедельного литературно-юмористического журнала с карикатурами «Развлечение», основанного и редактируемого поэтом-переводчиком Ф. Б. Миллером.

Этот период творчества О. Крюковой — прозаический. Здесь автор уже не романтическая девушка, тоскующая о любви, а весьма зрелый бытописатель, замечаящий детали, рассказывающий об увиденном и услышанном, умеющий строить диалоги, создавать характеры, разворачивать перед читателем природные и портретные описания, следить за сюжетом. В целом этот период творчества О. Крюковой можно охарактеризовать как реалистический, писательница работает в духе русской натуральной школы и представляет читателю физиологические очерки жизни русской глубинки.

Опубликованные в «Развлечении» рассказы Ольги Крюковой представляют собой небольшие зарисовки деревенской жизни, в которых представлены типичные персонажи провинциальной глубинки, занятые простыми вещами: работой, домом, семьей, совместными действиями (праздники, ярмарки, свадьбы). Автор показывает сценки деревенской жизни, типажи и диалоги, сохраняя ту речь, которую слышит. И вместе с тем автор не принадлежит тому социуму, который описывает, он — человек образованный, делающий выводы из наблюдаемого.

В рассказе «Захолустье. С натуры» представлена «самая глухая деревушка С-ской губернии, загляну в нее и буду наблюдать, как в ней живут и гомозятся люди, будто инфузории в капле воды» [9, с. 58]. Перед нами — деревенский праздник, «основанный на каком-то предании, такого праздника ни в святцах, ни в календарях не отыскать». Ярко описаны деревенские *барды* (определение О. Крюковой), которых сами крестьяне называют *ревунами*, они «сильным, хоть не слишком гармоническим голосом воспевают бесконечные стихи об Иосифе, Лазаре и т.п.». Записана деревенская речь: «Суда-арики вы мои», «а ты мотри-ка». Сюжет прост: молодая барыня проезжает по деревне и наблюдает, как в одном из огородов обнаруживают мертвеца. Следуют долгие разговоры о том, кто это может быть, предположения, споры, но расследования так и не производят: «становой пристав не рассудил за благо освидетельствовать мертвое тело, найденное в деревушке, и позволил схоронить его без лишних формальностей». Вывод, который делает проезжающая барыня: «много нужно времени, чтобы просвещение проникло в это захолустье» [9, с. 70].

В рассказе «Ямщик. Народные сцены» даны описания праздника в деревне, ярмарки в городе, диалоги деревенских жителей во дворе и за столом, сватовство, ярко представлен язык оренбургской деревни:

— Далеко ли Господь несет?

— Да на побывку бреду — в Оренбургскую губернию.

— Далеконько твоей милости итти-то! Отселева до Ленбурха (*Оренбурга — делает ссылку автор*) верст сот семь будет. Родители живы али к сродникам идете?

— Были живы и родители, а теперь — Богу известно — увидим. А у вас не праздник ли, дедушка? Что-то народ больно цветен ходит... [15, с. 225].

«Порча. Рассказ медика» [12] — застольная история, в которой ставится проблема взаимодействия научного и богословского знаний. Врач, поведав дружеской компании, как вылечил дочь дьяка от «порчи», рассказывает, как богослов силой слова заставил собравшихся за столом (в том числе и врача) временно ослепнуть. На следующий день врач уговаривал богослова открыть секрет происшедшего, но тот не захотел более разговаривать об этом, и медик так и не понял механизма действия слова на организм.

Рассказ «Мститель. Из деревенских преданий» [11] — еще одна история за столом в дружеской компании. По композиции произведение представляет собой «рассказ в рассказе». Собравшиеся за столом просят рассказать какую-нибудь историю, один из них вспоминает, как он лет двадцать назад с крестьянами перевозил в Уфу обоз с хлебом. Дело было суровой зимой, к ночи они заблудились и наткнулись в лесу на одинокую избу. Хозяин принял путников, накормил и за столом рассказал, как по молодости был очень силен и разбойничал в лесах. Много народу дубинкой положил, пока не попался ему хилый с виду старичок. Три раза опускалась дубинка на того старичка, а он все живой. После связал старичок разбойника, вырезал из спины три кожаных ремня, а вместо них три прута вставил. Еле дополз домой разбойник, и жена его вынула эти прутья, а как оправился — бросил грешный промысел, раздал награбленное, поставил избу в лесу и стал принимать путников.

Зарисовки обыденной жизни, деревенская речь, рассказы и предания — вот что представляет интерес для Крюковой-прозаика. Обращение к детским воспоминаниям воплощается в ее книге прозы «Старина» [13], ценной также описаниями старого Оренбурга.

Оренбургский текст русской литературы. Оренбуржье не могло не попасть в поле зрения писательницы Ольги Крюковой. В «Илецком казаке» так представлена ее малая родина:

...цепию холмов сокрыта
И неприметная вдали
Стоит Илецкая Защита,
Забытый уголок земли.
В ней так же всё однообразно,
Как неизменен вид полей.

Пейзажные описания илецкой земли дополняются изображением ее восточных жителей:

Там цепь форпостов неприступных,
Там возвышается маяк;
На нем, как тень ночной порою,
Башкир недвижимый стоит,
И на копье склонясь главою,
Он в степь пустынную глядит.
Пред ним его товарищ верный —

Стреноженный гуляет конь,
И тускло на траве зелёной
Дымится под котлом огонь.

Наиболее же *оренбургской* можно считать прозаическую книгу Крюковой «Старина», где даны описания старого Оренбурга: «Я поведу речь об Оренбурге того времени, когда еще в нем не было ни дворянских собраний, ни Неплюевского корпуса, ни Александровской колонны — словом, многого, что есть уже теперь» [13, с. 306].

Вот как представлена писательницей поездка из Соль-Илецка в Оренбург: «В беспокойной тряске, в скрипе, грохоте и даже в дегтяной смазке колес, — во всем этом звучит и благоухает тебе какая-то поэзия: теперь это покажется смешно, однако ж оно было так. Вот выедешь, бывало, из крепости и по гладкой, ровной дороге, которая могла бы поспорить с любым европейским шоссе, ринешься в пустынную степь, а ей, кажется, и конца нет: до того широко и раздольно раскинулась она по горизонту. Только буйный степной ветер волнует седой ковыль; а тебе кажется, будто море катит там свои прихотливые волны. Ни кустика, ни пригорочка — все гладко и ровно, как говорится: ни сучка, ни задоринки. По сторонам трусит конвой, то есть два верховых казака, вооруженные длинными пиками. При тихой езде в зубах одного из них дымится коротенький чубук. Для сокращения монотонного пути они ведут беседу о том, каким манером *летошний* год попали они в степи на *кыргыза*» [13, с. 306].

Мертвые соли — соляные горы, издавна ставшие источником соль-илецкой мифологии, привлекают и О. Крюкову: «...лениво приближаются и минуют нас кирпичные версты, длинные-предлинные, будто великаны, сторожащие пустыню. Но вот на седьмой версте, слева, является новый предмет, нарушающий однообразие степи: это группа седых холмов, известная в народе под названием «мертвые соли». Рассказывали, будто соли эти разрабатывались когда-то давно и вдруг окаменели; и будто бы с тех пор в тишине ночи слышится от них глухой стон, выговаривающий ясно: *о-ох! надругаются!* Я, бывало, с сердечным трепетом смотрю на эти белые, отдаленные груды, и в грустном завывании ветра слышится мне жалоба чудесных солей» [13, с. 307].

Многие писатели, создававшие оренбургский текст русской литературы, описывали суровый оренбургский буран, не обошла без него и Крюкова: «Зимою, когда буран разыгрывался в степи, эти форпосты совершенно заносило снегом, так что иногда с трудом отрывали разгонных лошадей. Беда, если эта снежная буря захватывала одинокого путника в дороге! В таком случае оставалось ему одно средство: выпрячь лошадь, поднять оглобли саней и, покрыв их запасенными на случай кошмами, укрыться вместе с лошадью в этом убежище. Несчастливого заносило снежным сугробом так, что и следа его нельзя было заметить. Но когда буран утихал, привычные казаки отыскивали и отрывали проезжего» [13, с. 308].

Переезд через Урал — еще одна семиотическая точка оренбургского текста: «вот мы подъезжаем к мосту, перекинутому через Урал. Ах, как я любила переезжать этот мост! Звучный грохот колес по доскам, которые перебирались и подпрыгивали под ними, как клавиши; а внизу вода, мелкими струйками переливающаяся по разноцветным камешкам, таким хорошеньким, что глаза разбегались, глядя на них» [13, с. 309].

А вот ворота в старый Оренбург описаны немногими. Крюкова фиксирует и мифологические смыслы: «Все оренбургские ворота имели для меня особенный интерес: и водяные, и сакмарские, и чернореченские, и орские; но последние в моем ребяческом понятии имели особенное, мистическое значение. Орские ворота — это был термин, означающий несчастье и гибель».

— О-ох! — вздыхала какая-нибудь благочестивая старушка. — Чего уж мне грешнице хлопотать? Того и гляди, что в орские ворота понесут.

Дело в том, что ворота эти вели на кладбище, и потому в народе носилось о них много суеверных толков» [13, с. 310].

И наконец, заметки о тех, кого можно было встретить в пределах оренбургской крепости: «Оренбургские барышни даже и в праздничные дни носили платья из бумажной бухарской бахты, а о модах и понятия не имели» [13, с. 314].

Подводя итог обзору творчества О. П. Крюковой, отметим её умение работать в разных жанрах, как поэтических, так и прозаических. Начав как автор стихов и поэм, созданных в эстетике романтизма, в дальнейшем писательница неплохо осваивает жанр физиологического очерка, сформировавшийся в рамках русской натуральной школы. Наследие О. Крюковой отражает тенденции развития литературного процесса в России, а также вносит вклад в формирование оренбургского текста русской литературы.

Список использованной литературы

1. Абрашкин А. Скифская Русь. От Трои до Киева. М., 2008. URL: <http://admw.ru/books/Skifskaya-Rusot-Troi-do-Kieva/24>
2. Бонди С. М. Комментарий: А. С. Пушкин. Сказка о царе Салтане // Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М., 1960. Т. 3. С. 521—538.
3. Дамский журнал. М., 1833. № 52.
4. Дамский журнал. М., 1833. № 24.
5. Крюкова О. Данило Бессчастный. СПб., 1876.
6. Крюкова О. Две подруги // Дамский журнал. М., 1833. № 6. С. 88—93.
7. Крюкова О. Донец // Оренбургский край в русской литературе. Хрестоматия по литературному краеведению для 9—11 классов / сост. А. Г. Прокофьева. Оренбург, 2003. С. 44—50.
8. Крюкова О. Жертва любви // Дамский журнал. М., 1833. № 9. С. 136—141.
9. Крюкова О. Захолустье (с натуры) // Развлечение. М., 1860. № 5. С. 58—60; № 6. С. 66—70.
10. Крюкова О. Илецкий казак // Оренбургский край в русской литературе и фольклоре. Хрестоматия по литературному краеведению для 5—8 классов / сост. А. Г. Прокофьева, В. Ю. Прокофьева. Оренбург, 2003. С. 303—304.
11. Крюкова О. Мститель (из деревенских преданий) // Развлечение. М., 1860. № 50. С. 600—603.
12. Крюкова О. Порча. Рассказ медика // Развлечение. М., 1860. № 48. С. 577—581.
13. Крюкова О. Старина (отрывки) // Оренбургский край в русской литературе и фольклоре. Хрестоматия по литературному краеведению для 5—8 классов / сост. А. Г. Прокофьева, В. Ю. Прокофьева. Оренбург, 2003. С. 305—314.
14. Крюкова О. Тоска о минувшем. Стихотворения // Дамский журнал. М., 1833. № 20. С. 108—109.
15. Крюкова О. Ямщик. Народные сцены // Развлечение. М., 1860. № 19. С. 224—228; № 20. С. 234—240.
16. Русские народные сказки А. Н. Афанасьева / подгот. текста и прим. В. Я. Проппа. Л. : Гослитиздат, 1957. Т. 3. № 313. URL: <http://skazka.mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000045/st005.shtml>
17. Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь : в 5 т. Т. 3. М., 1994.
18. Файнштейн М. Ш. Писательницы пушкинской поры (историко-литературные очерки). Л., 1989.
19. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. URL: <http://www.brocgaus.ru/text/033/480.htm>

Поступила в редакцию 04.08.2014 г.

Прокофьева Виктория Юрьевна, доктор филологических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
460014, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: vicproc@ Rambler.ru

UDC 821.161.1

V. Y. Prokofyeva

Orenburg writer O. P. Kryukova: the description of works

The creative works of the Orenburg Province native O. P. Kryukova have been analyzed in the following directions: poetry, prose, imitations of A. S. Pushkin's works, contribution of Orenburg texts to the formation of Russian literature. Having started as a romantic poet, the writer turned to major poetic forms (poem, fairy tale) and realistic prose inspired by the Russian natural school, leaving the description of life in Eastern Russia and Old Orenburg.

Key words: O. P. Kryukova, poetry, A. S. Pushkin, Romanticism, imitation, poem, story, fiction, realism, natural school, physiological sketches, Orenburg Text of Russian Literature.

Prokofyeva Victoriya Yrievna, Doctor of Philological Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
460014, Russia, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: vicproc@rambler.ru